

Линь Сюнь, как настоящий трус, сразу же задрожал, захлёбываясь слезами:

— Линь Сюнь... Угу... Я пятый принц... Что ты хочешь сделать? Я предупреждаю, если ты ударишь меня, мои стражники убьют тебя, разорвут на куски... Угу...

Цинь Чжуньюань едва не задушил этого малыша, называвшего себя Линь Сюнем. Он ненавидел Линь Сюня всей душой, и, наконец убив одного, теперь перед ним стоял этот ребёнок, называвший себя пятым принцем. Откуда он взялся?

В его голове мелькнула дурная догадка:

— Сейчас какое время?

— По... полдень... — Линь Сюнь, дрожа от страха, едва смог выдавить из себя ответ. Его тело тряслось так, что он едва мог стоять. Этот вид напомнил Цинь Чжуньюаню того Линь Сюня, которого он убил, когда тот плакал и умолял о пощаде.

Цинь Чжуньюань понял, что, если он повысит голос, этот трус, вероятно, упадёт в обморок.

— Точное время, — сквозь зубы произнёс он, сдерживая гнев.

— Э... э... сегодня... отпусти меня, я посмотрю, — Линь Сюнь, рыдая и икая, едва смог выговорить.

Цинь Чжуньюань терпеливо опустил замотанного в бинты Линь Сюня на землю.

Линь Сюнь, всё ещё дрожа, не осмелился убежать или позвать на помощь. Он, сторбившись, подбежал к дереву, выкопал из-под корней чёрный блокнот и, пролистав его, тихо сказал:

— Сегодня 5 июля 4210 года... полдень.

Цинь Чжуньюань почувствовал, как у него дёрнулось веко. Он выхватил блокнот из рук Линь Сюня. Этот блокнот был ему слишком знаком — он видел его незадолго до того, как на него напали. Теперь он снова держал его в руках.

Пролистав страницы, он заметил, что даты записей почти не отличались от тех, что были в предыдущем блокноте. Однако сейчас на страницах было записано всего десяток имён, и ни одно из них не было перечёркнуто красным крестом или сопровождалось улыбающейся рожицей.

Это был тот самый блокнот, который Линь Сюнь прятал в игрушке. Неужели этот ребёнок

действительно был Линь Сюнем в детстве? Значит, он каким-то образом оказался в прошлом, на пятьдесят пять лет раньше?

— Что это? — Цинь Чжуньюань, сдерживая невероятное чувство и нарастающую ярость, указал на несколько имён и медленно спросил.

Линь Сюнь, скрытый под бинтами, казалось, надулся, но ничего не ответил.

Цинь Чжуньюань положил руку на голову ребёнка и мягко произнёс:

— Говори правду, иначе я раздавлю твою голову.

Линь Сюнь, только что переставший дрожать, снова затрясся. Его единственный глаз наполнился слезами, и он, захлёбываясь, закричал:

— Я скажу, я скажу! Это все плохие люди! Я записал их имена, чтобы, когда вырасту, убить всех, никого не оставить! Убить их!

Говоря это, его красный зрачок расширился, а на бледной коже появился лёгкий румянец. Красный цвет вокруг зрачка, похожего на зрачок зверя, выглядел особенно жутко.

Цинь Чжуньюань, не выдержав, ударил ребёнка по голове.

Он всегда знал, что Линь Сюнь — отброс, но не ожидал, что даже в детстве он был настолько жестоким. «Разорвать на куски», «не оставить никого» — насколько жестоким должен быть человек, чтобы говорить такие вещи и потом действительно их совершать?

Однако Цинь Чжуньюань также почувствовал нечто странное. Не только те загадочные маги, которых он видел до того, как оказался здесь, но и следы на теле Линь Сюня.

Он оказался в прошлом из-за взрыва тела Линь Сюня, а до этого старейшины Гильдии магов хотели убить его за то, что он увидел запретные заклинания на теле Линь Сюня.

Что же здесь происходило?

Линь Сюнь, дрожа и отступая, плакал ещё сильнее. Он был в ужасе, думая, что этот человек отличается от тех магов, но оказалось, что он такой же — он тоже бьёт и причиняет боль. Он запишет его имя в блокнот!

Цинь Чжуньюань, заметив ненависть в его взгляде, схватил Линь Сюня:

— Сними бинты и разденься. Я хочу посмотреть на магические символы на твоём теле.

— Нет! Не буду! Ты наверняка с ними заодно! Вы все хотите убить меня, вынуть моё магическое ядро и мучить меня! Я убью вас всех, когда вырасту, разорву на куски!

Цинь Чжунъюань ещё не успел ничего сделать, как Линь Сюнь вдруг начал бешено сопротивляться, его маленькие руки и ноги отчаянно били по Цинь Чжунъюаню, а в его глазах появилось отчаяние.

Цинь Чжунъюань лишь на мгновение заколебался, но затем безжалостно вывихнул суставы Линь Сюня, закрыл ему рот и быстро разорвал его одежду и бинты.

Тело Линь Сюня было полностью замотано бинтами. Цинь Чжунъюань, не теряя времени, создал небольшое пламя, чтобы сжечь их.

Линь Сюнь, увидев огонь, чуть не сошёл с ума от ужаса. Его тело, словно рыба, выброшенная на берег, отчаянно дёргалось, но Цинь Чжунъюань снизил температуру пламени, и маленький огонёк коснулся бинтов.

Цинь Чжунъюань мастерски контролировал пламя, чтобы не обжечь Линь Сюня, и бинты быстро сгорели. Линь Сюнь, обнажённый, лежал под деревом, но вдруг перестал сопротивляться. Цинь Чжунъюань подумал, что маленький негодяй наконец понял ситуацию и успокоился, но, взглянув на него, увидел, что тот потерял сознание от страха.

Маленький Линь Сюнь оказался настолько трусливым, что это было просто невероятно.

Цинь Чжунъюань знал, что Линь Сюнь был отбросом, похожим на бешеную собаку, и, убивая его, понял, что он ещё и трус, но не ожидал, что он может быть настолько пугливым. Сложные чувства охватили его, когда он взглянул на тело Линь Сюня.

Осмотрев его, он вздохнул и начал одевать Линь Сюня, попутно вправляя его вывихнутые суставы.

Сейчас Линь Сюнь выглядел моложе, чем когда Цинь Чжунъюань убил его, ему было около десяти лет, но его истощение было таким же, как и пятьдесят пять лет спустя, если не хуже.

Самое ужасное было то, что на таком юном теле Линь Сюня был шрам на груди, словно его сердце вынули и снова вшили. На животе и спине были похожие шрамы, как будто его тело разрезали, а затем сшили. Самый страшный шрам был на глазу — один глаз был ярко-красным, а другой был полностью вырван, оставив пустую глазницу.

Запретные заклинания теперь покрывали это изуродованное тело, но не на коже, а под ней. Как это было сделано, Цинь Чжунъюань даже не хотел думать.

Эти следы были ему знакомы — некоторые маги, которых Линь Сюнь захватывал, подвергались подобным пыткам. Их действительно разрезали, вынимали сердце и кости, а затем с помощью алхимии возвращали на место и зашивали. Линь Сюнь любил выворачивать кожу некоторых жертв, вырезать на ней магические символы и снова зашивать. Это было настолько жестоко, что вызывало ужас.

Раньше Цинь Чжунъюань думал, что Линь Сюнь просто наслаждается мучениями определённых магов, но теперь понял, что здесь было что-то большее.

Линь Сюнь действительно следовал своей философии мести, записывая имена тех, кто причинил ему зло, чтобы потом отомстить каждому.

Почему же с пятым принцем Империи обращались так жестоко, и никто не вмешался? Цинь Чжунъюань вспомнил о Гильдии магов и о том, как Линь Сюнь был изгнан из королевской семьи спустя несколько лет.

Теперь он понимал, почему этот отброс стал таким извращённым.

Глядя на этого жалкого маленького негодяя, Цинь Чжунъюань почувствовал, что его ненависть немного ослабла.

Сейчас этот маленький отброс ещё не совершил своих ужасных поступков и не убил его любимую. Он был лишь искалеченным ребёнком, чья душа была искажена жестокостью.

Но, вспоминая о том, что этот «ребёнок» сделает в будущем, Цинь Чжунъюань снова захотел задушить его. Он положил пальцы на тонкую шею Линь Сюня и медленно начал сжимать.

Бинты сгорели, и лицо Линь Сюня обнажилось. Оно было бледным, как бумага, с глубокими, не до конца зажившими шрамами, которые делали его пугающим. Его губы потрескались, и, когда Цинь Чжунъюань собирался нажать, он почувствовал, как воздух стал реже. Линь Сюнь открыл рот, чтобы вдохнуть, и его язык был таким же бледным, как и всё лицо, похожее на простой рисунок на белом листе.

Такой жалкий, такой несчастный, даже более несчастный, чем он сам когда-то.

Цинь Чжунъюань остановился. Он одел Линь Сюня.

<http://bllate.org/book/15112/1334840>